

Лицензия военного журналиста, или Пропуск на войну

Они сопровождают армию во время военных действий, они рассказывают о войне и людях войны, они рискуют жизнью ради нескольких строчек в газете и кадров на экране, словом, они тоже сражаются за Родину.

Понятие «военкор», как таковое, появилось относительно недавно. А вот профессия военный журналист знакома нам всем ещё со времён Второй мировой войны. Новости с фронта, письма солдат под пулями доставлялись военными корреспондентами с поля боя. «И вышли без задержки на утро как всегда...»

Военный журналист всегда ходит по краю лезвия. Основная задача – донести людям последние новости с фронта. Неважно, кто ты – газетчик или корреспондент в кадре, фотограф или оператор. Главное – освещать военные события, несмотря ни на что, зачастую даже ценой собственной жизни. Как говорит военкор «Комсомольской правды» Александр Коц: «В первую очередь журналист должен быть профессионалом своего дела. Если ты не профессиональный журналист, а полез в военную журналистику, то ничего хорошего из этого не получится. Должно быть понимание того, что эта работа сопряжена с определённым риском. Ты едешь освещать события и рассказывать о судьбах людей, а не показывать, какой ты храбрый и красивый, и как тебе опасно и не страшно. Бывает, на первых порах молодые журналисты делают такую ошибку».

Наше оружие – это слово, камера и

фотоаппарат

После конфликтов в Афганистане, Чечне, Сирии появилось понимание того, что для освещения военных конфликтов и катаклизмов необходимы профессионалы, специально обученные работе в данных сложных условиях, а не просто журналисты. Так возникла идея создания курсов подготовки

репортёров экстремальных ситуаций – работа в условиях военных операций и стихийных бедствий. Была поставлена задача научить журналистов не только тому, как спасти свою жизнь и не поставить под угрозу чужую, но и не мешать профессионально выполнять свою работу другим. Не путаться под ногами, к примеру, у специалистов МЧС, когда они тушат пожар или вытаскивают из-под обломков людей после землетрясения, или ВС, когда бойцы наступают или держат оборону во время боевых столкновений.

Для этого и были созданы курсы «Бастион», где учат выживанию желающих стать военным журналистом. Их руководителем и инициатором стала Людмила Васильевна Щербина из Союза журналистов Москвы. Общество не сразу положительно восприняло такие курсы. Появились публикации, мол, журналистам хотят дать в руки оружие. Но это были чистой воды провокации и отсутствие достоверной информации. Конечно же, никто не собирался обучать военному делу журналистов, никто не давал им гранату или автомат, даже когда речь шла о командировке в горячую точку. Впрочем...

«Если у журналиста есть разрешение на оружие, то почему нет? – делится своим мнением военкор, тележурналист Александр Сладков. – Это юридически нормативная сторона дела. Кто, как и в кого выстрелит, кто умрёт после этого, сможет ли журналист спасти человека, применив оружие? Это нормативная позиция».

Другими словами, если у журналиста есть лицензия на оружие, то он вполне может им воспользоваться в горячей точке, защищая свою жизнь или жизнь других людей. Если такого разрешения нет, то и брать в руки автомат не стоит. Не говоря уже про другие виды оружия. Как говорит сама основательница курсов «Бастион» Людмила Щербина, «наше оружие – это слово, камера и фотоаппарат».

Ты помнишь, как всё начиналось

Военная журналистика зародилась ещё в начале XIX века во времена наполеоновских войн. Тогда, в 1808 году, английская газета Times отправила в Испанию своего корреспондента Генри Робинсона для освещения военных действий. Историки считают его первым военным журналистом. С тех пор почти каждое печатное издание или информагентство считает чуть ли не своим долгом отправить на войну собственного репортёра. Всплеск военной журналистики за рубежом также пришёлся и на Крымскую войну в 1850-х годах. Именно тогда редакция «Современника» фактически объявила подпоручика Льва Толстого своим постоянным фронтовым корреспондентом.

Правда, опыт западных коллег российские журналисты переняли чуть позже, в 1870-х, когда началась Русско-турецкая война. Тогда и были внедрены специальные опознавательные знаки для

корреспондентов. Сначала это был значок, но, из-за неудобства ношения, в дальнейшем его заменили на трёхцветную повязку.

Людмила Щербина вспоминает о создании «Бастиона»: «Шла Вторая чеченская война. Среди нашей братии было много потерь, да и нареканий от командования за публикации материалов, подчас затрагивавших военные тайны. Тогда мы собрали представителей пресс-служб всех силовых структур: Минобороны, МВД, МЧС, Национальный антитеррористический комитет, а также Министерство иностранных дел. Конечно, мы изучили опыт Красного Креста, опыт английских курсов «Центурион», выпускникам которых было дозволено принимать участие в войне в Ираке, в Афганистане и других странах. К составлению программы были привлечены не только сотрудники пресс-служб, но и эксперты по военной истории из военного университета, из МГУ, и, конечно, наши коллеги, которые уже побывали в горячих точках, такие как Саша Коц, Саша Сладков, Евгений Поддубный и другие».

Справка

Курсы «Центурион» в Англии были созданы для подготовки журналистов к военным конфликтам. В частности, первые потоки корреспондентов подготовили перед отправкой в Персидский залив. Пол Рис, директор Centurion вспоминает: «Часто говорят, что журналистов учат быть солдатами, что сами журналисты становятся солдатами войны. Мы, бывшие морские пехотинцы, объединились с матерыми репортёрами, работавшими корреспондентами в горячих точках от различных СМИ, и разработали действительно хороший курс для журналистов... Каждый раз, когда кто-то записывается на наши курсы, думает, что в первый же день на него наденут бронежилет, шлем и отправят в зону боевых действий. Это не так. Это – курс общей осведомлённости, который охватывает всё: от личной безопасности в мирном городе до умения защитить себя и других в зоне полномасштабных боевых действий, где действительно свистят пули и падают бомбы».

Первая часть обучения на курсах «Бастион» – это теория. Лекции читают ведущие специалисты, психологи, действующие военные, а также медики из ФСБ. Вторая часть – это практика. Условия максимально приближены к боевым. Ведь на войне может быть всё что угодно. Как оказать раненому коллеге первую помощь и спасти человека? Без элементарных знаний и практики оказания первой помощи при возможных и распространённых травм на войне – никак. А могут и в плен взять. Как себя вести в плену рассказывают уже профессиональные разведчики, точнее, показывают. Моральное, психологическое давление на курсантов «Бастиона» зашкаливает. Обстановка на грани срыва. Преподавательский состав не жалеет никого, даже женщин. Ибо враги не будут «сюсюкать» ни с кем.

«Линия Маннергейма» будущего военкора

«Мы проводили учения своих курсантов на «Линии Маннергейма» в Ленинградской области среди камней, поросших мхом, в глуши несусветной, – рассказывает Людмила Щербина. – Там журналистам устраивают допрос, которому их могут подвергнуть в случае пленения.

– Как ты спасёшь свою жизнь? Вот тебе автомат, выстрели в коллегу, и мы тебя освободим.

И хотя каждый день мы рассказываем, что журналист не имеет право брать в руки оружие, наступает такой психологический излом, что берут оружие».

Кроме морального давления, инструкторы прибегали к физическому. Не каждый, весь в грязи, со связанными руками за спиной и с мешком на голове, сможет адекватно оценить обстановку. Бывало, кто-то не справлялся со своим страхом и впадал в панику. А ведь когда реально оказываешься в плену, может быть гораздо хуже. А это уже не игра – главное остаться

в живых. И что значит твоя жизнь или жизнь твоего коллеги? На что ты можешь пойти ради того, чтобы выжить? Сможешь ли ты ценой собственной жизни спасти коллегу, которого и после твоей смерти всё равно отправят за тобой?

– Людмила, скажите, ваши курсанты всё-таки знают, что всё это тренировка. Отчего у них происходит ломка?

– Мы создаём такие условия, при которых нервы и у бывалых не выдерживают. Например, во время допроса пленный говорит: «Я позвоню в редакцию». «Звони». А в редакции думают: «недавно была Чечня, может это правда? Где ты? Как тебя освободить?» (смеётся). Или предлагают выкуп, продать дом бабушки. Был даже такой случай. Парень с девушкой – жених и невеста – так сильно поссорились на этих курсах, что девушка отказалась выходить замуж, ведь он её только что чуть не убил.

Чуть, как говорится, не считается. А в действительности шантаж, возможность получить выкуп, обменять на своих – бандиты используют все дозволенные и недозволенные средства. Где-то это не работает, и тогда журналистов просто убивают, перед этим подвергнув изощрённым пыткам.

«Мы, журналисты, – говорит руководитель курсов «Бастион», – народ неуправляемый. Были случаи, когда гибли из-за профдеформации. Военные говорят: «Идите строем, впереди военный, замыкает военный, а журналисты – посередине». Но корреспонденту же нужен интересный кадр. Он нырнул направо, попал на растяжку – подорвался сам и утащил за собой остальных. Или едут в бронетранспортёре, им говорят: не высовывать голову, застрелят. В Афганистане были такие случаи, в лучшем случае получали ранение. Или сидят в окопе – опять же, не высовывайся. Тассовец не послушал, и всё – погиб».

На курсах «Бастион» все эти нюансы стараются предусмотреть и научить журналистов относиться к технике безопасности серьёзно. Большой вклад в обучение внесло Министерство

обороны.

Попадёшь в плен, так тяни лямку пока не выроют ямку

Захват заложников, в частности, журналистов – устоявшаяся практика. Это случилось и с Александром Коцем, его взяли в плен в 2011 году в Ливии.

– В самом начале этого конфликта мы работали со стороны повстанцев, потому что Каддафи не давал российским журналистам визы, а повстанцы пускали кого угодно. Вначале к гражданам России относились очень хорошо, а потом... У Артуро Перес-Реверте в «Территории команчей» есть такая фраза о военных журналистах: «Журналист на любой войне рано или поздно из описателя подвига и свершений превращается в опасного ненужного свидетеля».

В какой-то момент почему-то повстанцам показалось, что мы шпионы, работаем на Каддафи, таскали нас по разным штабам. Единственное, что мы успели сделать, когда нас взяли в плен, это позвонить в Москву. Где-то вежливо с нами разговаривали, где-то щёлкали затвором перед лицом. В Москве отреагировали оперативно. Сергей Лавров тогда обратился к странам, которые имеют свои контингенты в Ливии. Больше всего тяготила неизвестность – что будет дальше? Но я был не один, с напарником, и с нами была съёмочная группа НТВ из трёх человек, мы поддерживали друг друга.

Вытащил нас бывший сотрудник посольства Италии в Москве, он очень ответственно подошёл к просьбе Рогозина и Лаврова, и они начали нас искать. Спустя некоторое время мы в интернете увидели кадры, как те люди, которые нас держали на той же самой военной базе под Бенгази, обезглавливали каких-то, как они считают, шпионов Каддафи. Нас тоже могли обезглавить. Мы этого опасались.

Позже в Ливии, когда повстанцы отбили у каддафийцев аэропорт, мы увидели, как мимо нас ведут пятерых человек. Мы почему-то сразу поняли, что это славяне. Спросили, кто это? Они говорят, что это сербские снайперы, которых приговорили к смертной казни. Я попросил с ними поговорить. Нам разрешили. Ребята сказали, что они дорожные строители, ничего общего с армией Каддафи не имели... Едва мы вышли из аэропорта, сообщили в ещё работающее Сербское посольство и в Красный полумесяц. В итоге парням смертный приговор отложили, но в течении двух лет сербская спецслужба вела за них борьбу. Потом их освободили, и ребята вернулись домой живыми. Выходит, что нас в своё время спасли итальянцы, а мы сербов».

На грани жизни и смерти

Каждый день военный журналист, исполняя свои прямые профессиональные обязанности в горячих точках, рискует жизнью. Александру Сладкову повезло, а могли уже никогда не встретиться. Правда, человек, который спас ему жизнь, погиб. «Мне спас жизнь Денис Ветчинов, – вспоминает Александр. – Он закрыл меня собой, реально защитил меня. Как правило, я беру с собой бронезилет и каску. Они поддерживают меня морально, настраивают и помогают мне быть уверенным в собственной безопасности».

Почти у каждого журналиста, который побывал хотя бы раз в горячей точке, есть история на грани жизни и смерти. Собственной или другой – солдата или мирного жителя. Зачастую ты сделать ничего не можешь. В условиях специальной военной операции, когда киевские неонацисты бьют по жилым домам, обстреливают мирное население в черте города, нельзя выбежать на середину двора и попытаться помочь раненому человеку, потому что знаешь – там работает снайпер или артиллерия, и есть все шансы подставить своих же, сорвать операцию, выдать дислокацию военных.

«В 2008 году в Южной Осетии ситуация казалась безвыходной, – вспоминает Александр Коц, – я получил тяжёлое ранение, но рядом оказались люди, помогли, вытащили. Тактическая группа входила в Цхинвал 9 августа 2008-го, это была первая колонна. Мы с ней двигались к верхнему городку, чтобы разблокировать миротворцев, по которым грузинские танки били прямой наводкой. Задача – дать выйти им и гражданским, которые прятались у наших миротворцев. Это была колонна смертников, которая должна была вызвать на себя основной огонь грузинских сил, что собственно они и сделали. По колонне били артиллерией, был и ближний бой. На расстоянии пяти – десяти метров я видел, как у людей разрывается одежда от попадания пуль.

В том бою погибло около 30 человек, раненых, конечно, было ещё больше. Эта колонна не дала заблокировать Цхинвал и закрыть «котёл». К сожалению, большой ценой, но эта задача была выполнена. Я был тогда с командующим, и он лишь через год мне рассказал, когда мы встретились на годовщину этого боя, в чём был замысел. То есть изначально он понимал куда посылает бойцов, поэтому не мог остаться на командном пункте и пошёл вместе с ними».

Украинский котёл

К сожалению, не всем военкорам так везёт, даже если у человека есть военное образование и опыт. 14 июня 2022 года при исполнении воинского долга оборвалась жизнь полковника Сергея Постнова, мужественного русского офицера, начальника группы информационного реагирования отдела по взаимодействию со средствами массовой информации ДВСМИ Росгвардии. С первого дня специальной военной операции он выполнял служебно-боевые задачи. Работал в самом пекле: в составе группировки «V» прорывался в Гостомель, участвовал в освобождении городов и населённых пунктов Харьковской области и Луганской Народной Республики.

Память о героях будет жить вечно! Офицеры ДВСМИ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации передали в Центральный музей Росгвардии личные вещи военного журналиста. Среди экспонатов – записная книжка, в которой офицер пресс-службы делал заметки о подвигах военнослужащих и сотрудников Росгвардии, совершённых при выполнении служебно-боевых задач в Киевской и Харьковской областях, в ЛНР. На основе этих записей военный журналист готовил информационные материалы для СМИ.

Уже сегодня в витрине постоянной музейной экспозиции выставлены некоторые из переданных экспонатов. Суворовский погон и блокнот Сергея Постнова лежат рядом с фотографиями и личными вещами военного корреспондента журнала «На боевом посту» Анатолия Ягодина, погибшего в 1996 году.

Вечная память

На территории Украины с момента военного переворота погибли десятки российских журналистов. Так, 3 сентября 2014 года в районе Донецка машину фотокорреспондента РИА Новости Андрея Стенина расстреляли и сожгли вместе с журналистом. Оператора Первого канала Анатолия Кляна убили киевские силовики, он получил ранение в живот и скончался по дороге в больницу. За плечами у него – 40 лет работы на телевидении, он снимал сюжеты в Афганистане, Чечне, Югославии, Ираке, Сирии и в других горячих точках. В результате миномётного обстрела в районе посёлков Металлист и Мирное под Луганском погибли корреспондент «Вестей» Игорь Корнелюк и видеоинженер ВГТРК Антон Волошин.

В наши дни журналист должен носить бронежилет и каску с надписью крупными буквами «PRESS». Но увы, иногда это средство опознавания, казалось бы, созданное специально для защиты жизни представителя СМИ, становится целью снайпера.

Таким образом воюющая сторона создаёт провокации, намеренно убивая корреспондентов. За время проведения специальной военной операции на Украине Киев не раз намеренно атаковал из артиллерии гостиницы, в которых проживали журналисты, и не только российские, но и зарубежные.

УЧИТЬСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

В военных конфликтах, начиная с Афганистана, Ирака, первой и второй Чеченских кампаний, Сирии, Ливии и других горячих точках погибло более трёхсот журналистов. Поэтому перед отправлением в зону вооружённого конфликта всё же желательно пройти специальные курсы, которые абсолютно бесплатные и проводятся согласно президентской программе. Или как минимум пройти инструктаж военных. Большинство военкоров не расстаются с талисманами. Например, Александр Коц всегда носит маленького лосёнка, которого подарила ему дочь. Кого-то оберегают иконы. Даже военные при оружии не чураются оберегов. Бережёного Бог бережёт. Только не надо искушать свою судьбу.